

ДЕМОКРАТИЯ — ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ ИНСТРУМЕНТ

Александр Аузан

Александр Аузан — российский экономист и общественный деятель, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ, профессор, президент Института национального проекта «Общественный договор»

Для меня как институционального экономиста вопрос о демократии в России звучит так: существует ли спрос на демократию и предложение демократии? Ответ в том, что **на спрос на демократию влияют такие факторы, как уровень образования, имущественное распределение, развитие неполитических институтов гражданского общества.** Сильное имущественное расслоение, плохое состояние образования и слабость институтов гражданского общества, значительно уменьшают спрос на демократию.

Часто забывают о том, что предложение — тоже фактор спроса на демократию. Те, кто утверждает, что в России низкий спрос на демократию, и на этой основе начинают отказывать ей в праве на существование, тем самым сворачивают важный фак-

тор спроса. **Предложение демократии должно быть многообразным.**

Может быть, пока не очень развит спрос на парламентскую демократию. Поэтому в этой сфере могут происходить неприятные явления. Но вполне достаточными уже являются факторы для спроса на другие виды демократии — кооперативную, муниципальную, акционерную и так далее. Поэтому задача состоит в том, чтобы создавать такие факторы предложения, которые стимулируют спрос.

Важным в демократической проблематике является и вопрос о связи налогов и демократии. Часто предрасположенность к демократии оценивается ответом на вопрос «хотели бы вы жить при демократии». Но это еще не спрос. Если задать конкретный вопрос, что вы готовы делать, совершить, заплатить, от чего готовы отказаться для того, чтобы жить при демократии, ответы будут выглядеть по-другому. Демократия эффективна, но дорога.

Для того, чтоб демократия работала, человеку нужно принимать решения. Фактор образования работает потому, что оно снижает издержки изучения вариаций принятия решений. Фактор имущества работает потому, что дает стимул принимать решение. Поэтому, если мы хотим влиять на развитие демократии, то должны посмотреть на налоговую сферу.

Когда люди начнут платить налоги, осознавая их назначение в государстве, у них тут же возникнет естественный вопрос, что происходит с этими деньгами. Люди будут пытаться узнать, какие властные решения принимаются относительно этих денег, и вмешаться в эти властные решения. Предоставление возможности платить налоги в своем муниципальном округе, или часть из них направить на поддержку некоммерческих организаций, мо-

жет заметно стимулировать сбалансированные институты демократии.

Лидерская демократия — довольно убогая схема, рассчитанная на минимизацию усилий избирателя. **Переход к институциональным схемам разделения властей и парламентского контроля, с обратной связью, отчетностью и оценками не может происходить под воздействием проповеди.** Модернизация по Макс Веберу (и никто это не оспаривал), это переход к рациональным ценностям, которые носят не религиозный, а секулярный характер.

Позитивная линия российского развития коренится в «антидефицитной революции» начала 1990-х, в создании общества потребления в 1990-е и в нулевые годы, и в развитии массового рационального потребительского поведения, которое теперь должно быть опрокинуто на политику.

Люди уже научились пользоваться той же судебной системой. В 1990-е годы они через суд решали свои потребительские задачи. Теперь потребитель должен воспринимать себя как потребитель государства, потребитель информации, потребитель проекта. **Переход к институтам диктуется обывательской прагматикой.**

Будет ли этот переход потом сакрализован в виде того или иного ценностного ряда, или вообще превращен в сверхценность — это уже вопрос, связанный с тем, как будет развиваться процесс внутри публичной философии. Не существует того, что не нашло своей формы.

В 1990-е годы в России пытались сделать демократию ценностью, даже сверхценностью, какой до того был коммунизм, а до того — православие. Ей пытались

придать значение панацеи. Все ожидания от коммунизма были передвинуты на демократию. **На мой взгляд, демократия не является сверхценностью. Это, скорее, инструмент, который можно по-разному оценивать и относиться к этому стоит прагматически,** реально оценивая, что он может, а что не может. Для меня довольно очевиден аналитический вывод о том, что демократия — это наиболее результативный способ принятия решений, но при этом и наиболее дорогой. Только более или менее успешные нации могут позволить себе такой способ принятия решений как демократия.

Свобода — это ценностная единица. А демократия, скорее, инструментальная. Конечно, демократия есть определенный способ реализации свободы, суверенитета, власти, интересов тех или иных групп населения и т.д. Публичная философия фактически существует и важна для демократии постольку, поскольку нам необходимо уяснить вопрос, в какую клетку общественного сознания помещать сами эти понятия, начиная с понятия гражданского общества.

Парадокс существования гражданского общества в России состоит в том, что люди активно пользуются его услугами (они знают, когда нужно обратиться в общество потребителя, когда в «Мемориал», когда к экологами, а когда в Движение автомобилистов), но при этом, на вопрос, есть ли в России гражданское общество, отвечают, что нет. **В общественном сознании нет понимания того, что же есть «гражданское общество» по сути, публичная философия еще не описала этого.**

То же самое относится и к историческому сознанию. Исторические фильмы начисто выкидывают из смутного времени Козьму Минина. Пожарский машет мечом, кого-то спасает Сусанин, кого-то избирают на Земском Соборе, — все это есть. Нет Козьмы Минина, нет отражения того, что глобальным фактором преодоления смутного времени главным образом была некоторая общественность. Здесь мы опять возвращаемся к вопросу о необходимости публичной философии.

Гражданское общество нередко представляется в общественном самосознании то ли как скрытая форма политики, то ли как некоторая коммерческая операция, потому что публичная философия не прояснила его в общественном сознании. Именно здесь это реально существующее и используемое явление могло бы быть понято, принято и возведено в ценность. Задача публичной философии состоит в том, чтобы открывать те «ящики» и «шкафы», где в общественном сознании могли бы располагаться те или иные фактические существующие идеи. ■

Специально для РЖ

НАШЕ БОЛЬШИНСТВО ПРОГРЕССИВНЕЙ НАШЕЙ ЭЛИТЫ

МИХАИЛ РЕМИЗОВ — российский политолог, политический философ, генеральный директор Фонда поддержки гражданских инициатив «Стратегия 2020», президент Института национальной стратегии (ИНС)
Специально для РЖ

Термин «популистская демократия» вполне допустим; правда, режимы Уго Чавеса и Эво Моралеса очень сильно дискредитировали левопопулистский проект и саму концепцию «популистской демократии». Единственное, что в контексте Латинской Америки спасает этот проект от позорного краха — это **положительный опыт Бразилии.** Есть люди, которые считают любой социализм глупостью. Но президенту Лула да Силве удалось реализовать модель «умного социализма» и социально ориентированной модернизации в XXI веке.

Разумеется, необходимо различать «социал-демократию» и «популизм», чисто логически это разные вещи. Но зачастую они предполагают друг друга, поскольку поворот к социал-демократической политике требует формирования сильной общественной коалиции, что и достигается за счет популистской мобилизации. Если популизм работает на «умный» социально ориентированный проект, он может быть исторически оправдан.

Другой момент состоит в том, что само применение популистской мобилизации должно быть дозированным. **Популизм хорош как технология реанимации общества, технология его мобилизации, технология его шокового излечения от депрессии, но он плох как**

рутинная технология управления. Для людей типа того же Чавеса популистская мобилизация становится альфой и омегой государственной жизни. Наполеон Бонапарт на базе той энергии, которую ему удалось извлечь из французского общества, создает институты регулярного государства, такие, как Наполеоновский кодекс.

Говоря о России, было бы разумно утверждать, что режимы, как Бориса Ельцина и Владимира Путина, так и Дмитрия Медведева, пусть они иногда и применяли какие-то популистские технологии, в основе своей не являются популистскими. Напротив, российские механизмы поддержания популярности лидеров являются технологиями демобилизации, сдерживания большинства: его недопущения в реальную политику, недопущения к влиянию на реальный курс российского государства.

Путинская модель — это «щит» от широкого участия большинства в политике. Было бы правильно эту схему поменять. **Наше большинство гораздо более прогрессивно, чем наша элита, прогрессивно по своим базовым ценностным установкам, по своей гражданской культуре.** Просто важно избегать негативного опыта популистских демократий Латинской Америки и не превращать его в рутинную технологию управления. ■